

Чу Тянью незаметно отступил на шаг, стараясь отдалиться от окружающих его девушек.

Главная горничная Чу Тянью, Лань Цин, перебирала украшения, обращаясь к нему:

— Госпожа... ах, простите, теперь нужно называть вас молодой хозяйкой.

— Какие украшения вы наденете сегодня? Этот набор с золотыми бабочками будет хорош, — Лань Цин держала в руках шёлковую шкатулку, повернувшись к нему.

В красной шкатулке лежали несколько золотых шпилек с жемчугом. Чу Тянью хмуро сжал губы, безразлично кивнул и больше не смотрел на них.

Он, мужчина, теперь должен был носить цветы и шпильки. Глубоко вздохнув, он отвернулся, чтобы не видеть этого.

— Молодая хозяйка, пожалуйста, — маленькая горничная подала ему полотенце после умывания.

Две другие горничные доставали из гардероба Чу Тянью аккуратно сложенные женские платья, спрашивая его мнение.

Чу Тянью совершенно не интересовали такие мелочи, но избежать этого было невозможно, и он, как и раньше, ответил Лань Цин:

— Хм.

Лань Цин, не зная, что её госпожа уже сменилась, заметила, что сегодня утром она была более молчаливой, чем обычно. Может быть, это из-за замужества.

— Ну что же вы стоите? Быстрее помогите молодой хозяйке одеться! — Лань Цин, подбоченившись, указала на горничных.

— Слушаемся.

Чу Тянью смотрел на приближающихся к нему горничных, инстинктивно сжимая руку под рукавом, с трудом сдерживаясь, чтобы не отступить.

«Спокойствие, спокойствие, ничего страшного. Просто нужно закрыть глаза и позволить им делать своё дело».

С тех пор как Чу Тянью научился одеваться, он никогда не позволял другим делать это за него.

Он едва сдерживался.

Чу Тянью напомнил себе, что главное — это общая картина. Он плавно повернулся, раскинул руки и закрыл глаза, чтобы не видеть того, что происходило.

— Одевайте меня.

Даже с повреждённой душой и почти уничтоженной силой, он отчётливо чувствовал присутствие других людей и их руки,двигающиеся по его телу.

Пояс был расстёгнут, завязки развязаны, тяжёлое свадебное платье снято, и, наконец, даже нижнее бельё не осталось нетронутым.

Женское нижнее бельё было снято, и ощущение обнажённой кожи на воздухе заставило Чу Тянью почувствовать, как у него мурашки побежали по коже. Но он оставался неподвижным, позволяя им переодевать его.

Чу Тянью почувствовал, как окружающие отступили, и, убедившись, что одежда надета, открыл глаза. Не успел он ничего сказать, как Лань Цин усадила его перед зеркалом.

— Эта юбка с золотой вышивкой прекрасно подчёркивает ваш цвет лица. Я сделаю вам причёску, чтобы молодой хозяин не мог отвести глаз, — игриво сказала Лань Цин, расчёсывая его волосы.

Уже сам факт, что кто-то прикасался к нему, был неприятен, а теперь ещё и волосы оказались в чужих руках. Чу Тянью опустил глаза, скрывая нетерпение и сопротивление, и мягко произнёс, используя привычный тон Чу Тянью:

— Не заставляйте Чанфэна ждать, поторопитесь.

Между «Чанфэн-геге» и «мужем» он без колебаний выбрал первое. Второе было для него совершенно неприемлемым.

«Мужчина не может называть другого мужчину мужем. Это просто абсурд».

— Не переживайте, молодая хозяйка, мы не опоздаем, — улыбнулась Лань Цин, ускоряя свои движения. Вскоре она уложила волосы в причёску и украсила их шпильками из шкатулки.

Золотые шпильки были выполнены в виде бабочек с крыльями, украшенными прозрачными зелёными жемчужинами. Серьги представляли собой пару крыльев бабочек с рубинами, покачивающимися у шеи при каждом движении.

Ярко-розовый цвет рубинов контрастировал с бледной кожей шеи, а лёгкий макияж и распущенные волосы добавляли образу зрелости и соблазнительности, отличая его от юной Чу Тянью.

Цзи Уя, увидев, как Чу Тянью вышла из-за ширмы без помощи слуг, улыбнулся и не скупился на комплименты:

— Этот наряд тебе очень идёт.

Цзи Уя, бывший повелитель демонов, видел множество красавиц, и Чу Тянью не была самой прекрасной из них.

Но, возможно, из-за того, что она была его спутницей Дао, он невольно хотел похвалить её.

Только вот нынешняя Чу Тянью сильно отличалась от той девушки, которая раньше вилась вокруг него.

Раньше её глаза всегда сияли, как весеннее солнце, глядя на «него» с улыбкой, полной радости.

Те же самые глаза теперь были холодны, как лёд, отстранённы и недоступны, словно вечный лёд северных равнин.

Характер человека не может измениться за два дня. Если вчера Цзи Уя лишь сомневался, то сегодня он был уверен, что перед ним не «Чу Тянью».

Чу Тянью была воспитанной аристократкой, мягкой, доброй и немного наивной. Она никак не могла быть такой, как сейчас.

«Неужели ему так не повезло, что не только он сам переродился, но и его спутница Дао тоже была не оригиналом? Но она не выглядела как демонический культиватор, скорее как строгий даосский практикующий».

Эта мысль заставила бровь Цзи Уя непроизвольно подняться. Неизвестно, было ли это из-за того, что его спутница Дао была перерождённой, или из-за того, что переродившийся мог быть даосским практикующим.

Мысль промелькнула в его голове на мгновение, но в реальности Цзи Уя действовал согласно своему плану. Он улыбнулся и протянул руку к перерождённой «Чу Тянью».

— Пойдём, отец ждёт.

Чу Тянью, которая искренне любила Мо Чанфэна, никогда бы не отказалась от его руки. Ситуация была сильнее человека, и это точно описывало положение Чу Тянью.

Не зная, что его актёрская игра была раскрыта, Чу Тянью с трудом протянул руку, смирившись с ситуацией.

Слуги почтительно опустили головы, не видя их взаимодействия, но по голосам можно было подумать, что молодой хозяин и хозяйка очень любят друг друга.

Цзи Уя обнаружил, что нынешняя «Чу Тянью» интересует его больше, чем оригинал. Её характер был ближе к его вкусу.

— Пойдём, жена, — он взял протянутую руку, сжал ладонь и, улыбаясь, повёл её к двери.

Неожиданно услышав «жена», Чу Тянью споткнулся и чуть не упал.

— Осторожно, — Цзи Уя едва сдержал усмешку, но на лице сохранял серьёзность. Он потянул её к себе, обняв за талию.

Чу Тянью никогда не чувствовал себя так неловко. Теперь он не только был обнят, но и, чтобы удержать равновесие, инстинктивно схватился за рукав Мо Чанфэна, и со стороны это выглядело, будто он прижался к нему.

— Почему ты вдруг изменил обращение? — Чу Тянью посмотрел на Мо Чанфэна, но вместо кокетства в его голосе звучал холодный вызов.

Очевидно, он был на грани.

— Сяо Ю теперь моя жена, и я должен называть тебя соответственно. Тебе не нравится? — Цзи Уя смотрел на человека в своих объятиях, с трудом сдерживая смех, чтобы не разозлить его.

— Разве Сяо Ю не говорила, что хочет выйти за Чанфэн-геге и стать его женой? — он намеренно сказал это, хотя и не врал. Чу Тянью действительно говорила подобное Мо Чанфэну.

«Это была не я!» — Чу Тянью тут же возразил в душе, но, связанный своим положением, даже не мог показать своего недовольства.

Цзи Уя быстро отпустил талию Чу Тянью. Её неприязнь к прикосновениям была слишком очевидной, и он не хотел слишком дразнить свою «жену».

Мо Чанфэн называл Чу Тянью «Сяо Ю». Он не был Мо Чанфэном, а Чу Тянью перед ним была

не оригиналом. Так зачем ему было утруждать себя таким обращением?

Обращение «жена» было идеальным. Оно сразу давало понять, к кому он обращается.

Пожилой повелитель демонов, проживший тысячи лет без наложниц, теперь имел единственную законную жену.

Только вот её характер слишком отличался от оригинала, и, даже если она пыталась притвориться, это было слишком очевидно. Ему, вероятно, придётся помогать ей скрывать это.

<http://bllate.org/book/15414/1363154>